

Даниэль Жирарден

Гувернер Романовых

Судьба Пьера Жильяра в России

Фотографии Пьера Жильяра

I. НАКОНЕЦ ВЛАДИВОСТОК

Январь 1920 года. В открытое, несмотря на густой угольный дым, окно Пьер Жильяр любовался видом Байкальского побережья, мимо которого медленно проезжал поезд. Красота природы способна сгладить горечь пережитого и придать уверенности в завтрашнем дне. «Открывался чудесный пейзаж, удивительный даже для взора швейцарца, – написал позже Жильяр в своих записках, – какой контраст между красотой и спокойным величием этой природы и страданиями, свидетелями которых мы становимся каждый день!»

Жильяр покинул сибирский город Омск 8 ноября 1919 года, за пять дней до того, как большевики его захватили. «Все тогда пустились в бегство, это было стремительное движение огромных людских масс на восток». Жильяр уехал из города одним из последних, вместе с генералом Жаненом, ответственным за организацию отступления чешских отрядов по Транссибирской магистрали к Владивостоку. В разгар Гражданской войны, с конца октября 19-го, десятки тысяч составов следовали друг за другом без всякого расписания. Крушения поездов были обычным делом. До Владивостока оставалось еще не менее 5000 километров – в хаосе и при постоянной военной угрозе. Бронепоезд адмирала Колчака – жестокого дик-

татора, которого Жильяр не любил, – следовал прямо за ними в сопровождении пятнадцати других эшелонов, которые везли министров, генералов и чиновников колчаковского правительства, а также несколько тонн золота. Адмирала преследовали кавалерия и авангардные части большевиков, полных решимости заставить его ответить за совершенные преступления.

В то время все ценилось на вес золота, кроме человеческой жизни, которая не стоила ничего. Страна представляла собой огромное пространство, объятые пламенем братоубийственной войны. Гражданское население было поставлено на грань выживания. В своем романе «Как закалялась сталь» Николай Островский, в возрасте пятнадцати лет воевавший в коннице Буденного, хорошо описал бедствия обитателей поселков и деревень, которые постоянно переживали нашествия отрядов белых или красных. Генерал Жанен, воевавший против большевиков, с грустью говорил о «населении, которое последовательно завоевывали и отвоевывали, и которое становилось всякий раз объектом чисток, причем командование с обеих сторон поступало далеко не лучшим образом».

Сибирь погрузилась в настоящий хаос; это был порочный круг насилия, пыток и массовых казней. Жильяр, ставший свидетелем этих преступлений, запомнил то время на всю жизнь. Тридцать лет спустя он напишет: «Если большевики расстреливали своих пленных сразу, то в Сибири это было чуть ли не актом милосердия. И с той и с другой стороны завершались акты насилия, граничащие с садизмом; то была гражданская война со всеми ее бесчинствами и ужасами.» В секретных рапортах, которые он читал каждый день, сообщалось о гвоздях, которые большевики забивали в предплечья узников, о половых органах, вырванных у заключенных палачами Колчака, о массовых казнях, о деревнях, сожженных дотла и прочих зверствах, ужасавших Жильяра.

В ходе отступления в ноябре 1919 года тиф стал причиной смерти тысяч беженцев, которые шли по заснеженным дорогам. Обездоленные люди искали убежища на переполненных вокзалах, и было немало тех, кто умер, замерзнув в поездах, иногда простаивавших в лесу долгими ночами. Не было ни лекарств, ни возможности организовать уход за больными. Умиравшие лежали прямо на перронах, рядом с трупами. Земля промерзла, времени на похороны не оставалось. «Мертвых было столько, – писал Жильяр, – что их не успевали хоронить. В Красноярске их свалили в кучу прямо на платформе, затем перевезли к путепроводу, пересекавшему Енисей, и там сбросили в прорубь на замерзшей реке».

С начала года мосты, вокзалы и тоннели на всем протяжении Транссибирской магистрали охранялись чешскими, польскими, литовскими, сербскими и румынскими частями. Война забросила их за тысячи километров от дома, они вынуждены были сражаться за чуждое им дело. «Союзники решили извлечь выгоду из антибольшевистского движения, которое разворачивалось в Сибири, прямо на месте использовать Чехословацкий корпус, открыв на Волге против германо-большевистских сил новый фронт, который оттянул бы на себя часть немецких военных сил, освободившихся благодаря Брест-Литовскому мирному договору». Ленин и Троцкий заключили в марте 1918 года сепаратный мир с Германией, что гарантировало им власть, но не мир, потому что страна погрузилась в бездну Гражданской войны. Правительства западных стран, союзных Царской России, расценили Брестский мир, как акт измены. К несчастью для Франции, Вильгельм II рассчитывал перебросить на европейский театр военных действий отряды с русского фронта, но этому помешали события в Сибири и на Украине. Территория Украины, оккупированная немцами, была поделена между националистами, провозгласившими независимость, Добровольческой армией Деникина и отрядами крестьян-

анархистов под командованием Махно. После покушения эсерки Фанни Каплан на Ленина 31 августа 1918 года большевики развязали революционный террор.

В 1919 году французы заняли Одессу, но вскоре оставили ее из-за восстания моряков на военных кораблях, стоявших в Черном море. В 1920 году поляки оккупировали Киев, но затем их выбила из города конница Буденного. В этих событиях принимал непосредственное участие молодой Шарль де Голль.

По приказу большевистского руководства Буденный разгромил и частично уничтожил армию батьки Махно. Эмигрировав во Францию, Махно напишет «Мемуары», в которых одним из первых доказательно обвинит большевистскую власть в терроре и создании концлагерей.

После марта 1918 года союзники приняли решение создать фронт в Сибири. Для этого французы отправили туда один батальон, а англичане – два полка. Они пытались объединить отряды, продолжавшие сражаться против немцев и большевиков, приняв, таким образом, участие в Гражданской войне, разгоревшейся в России.

Коррупционность, некомпетентность и безответственность – вот слова, которыми Жильяр характеризует правительство Колчака: «В доказательство тому я имел документы, большую часть которых передал в штаб генерала Жанена». Именно там он работал с февраля 1919 года в службе разведки: «Я поступил на службу в том же чине, какой у меня был в швейцарской армии» «...Каждое утро я читал журналы, выходившие в Омске, и выписывал оттуда все, что, как мне казалось, могло интересовать различные службы миссии. Многочисленные копии этих статей в моем переводе распределялись по соответствующим отделам в штабе. Потом я шел в оперативный отдел и, помогая русскому офицеру штаба адмирала Колчака, отмечал на большой настенной карте расположение фронтов. Затем я проделывал то же самое и в кабинете генерала».

Будучи гражданином страны, сохранявшей нейтралитет, Жильяр воевал на стороне союзников как французский офицер, за что его вполне могли посадить в тюрьму в Швейцарии. Однако его единственным занятием была разведка. Все в то время думали, что он погиб, включая Жанена, до того момента, как он встретил швейцарца в январе 1919 года: «Я был удивлен появлению бравого парня, которого считал погибшим, Жильяра, воспитателя Цесаревича. Он жил в Тюмени, чудом избежав гибели вместе с Императорской Семей и ее окружением».

Генерал Морис Жанен познакомился с Жильяром в 1915 году в Могилёве, в Ставке Императора Николая II. Жильяр проводил там много времени со своим учеником, наследником престола великим князем Алексеем Николаевичем, а также с русскими генералами и офицерами. В 1918 году Союзнический совет назначил Жанена главнокомандующим союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. Когда Жильяр присоединился к нему в 1919 году, Жанен имел в своем распоряжении чешские части, в которых большинство сочувствовало социалистам. После перемирия в ноябре 1918 года Чехословацкий корпус, прекрасно подготовленный, с отличным командованием, объявил нейтралитет. Основной задачей Жанена с этого момента была эвакуация войск Чехословацкого корпуса во Владивосток и отправка их в Европу для пополнения сил союзников на Западном фронте. С особым упорством чехи отказывались сражаться за Колчака: «В декабре (1918-го) мы узнали, что адмирал Колчак только что сверг правительство социалистов-революционеров, образовавшееся в Омске. Колчак провозгласил себя «Верховным правителем России». Этот государственный переворот стал причиной открытого недовольства передовых русских и чешских частей, видевших в этом начало реакционного правления, которое привело, как мы увидим, к еще более пагубным последствиям». Жильяр далее поясняет, что он имел в виду.

*Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба
Рыба Рыба Рыба Рыба*

«Опьяненный властью, проводя все более авторитарную и реакционную политику» в окружении министров, думавших только о своем личном обогащении, и о том, как получить помощь от Японии и союзников, позволяя своим опричникам грабить и убивать мирных жителей, адмирал своими действиями спровоцировал настоящий бунт. Жанен с горечью скажет позже, что местное население воевало не за большевиков, но против Колчака.

Под личным командованием Колчака находились части, состоявшие из казаков, жаждавших реванша монархистов, авантюристов, готовых на все ради денег, и 200 тыс. новобранцев, призванных на службу при помощи обмана или насильно. Подвергаясь издевательствам, полуголодные, они при первой же возможности переходили на сторону противника. Жильяр пересказывал отчеты, содержащие описания складов, обнаруженных большевиками в ходе наступления в конце 1919 года, на которых хранилось то, что было украдено у союзников окружением Колчака: тысячи седел, сотни тысяч пар сапог и предметов обмундирования, поставленных англичанами, тонны провианта, боеприпасов, оружия и даже денег, присланных микадо в формате военной помощи.

В конфиденциальном рапорте, составленном Жильяром для швейцарского Департамента иностранных дел после своего возвращения на родину в 1920 г., он резко критикует англичан и французов: «Если бы в Сибири нашлись представители Антанты, разбирающиеся в политике, они поняли бы, что только правительство с левым большинством смогло бы предоставить населению достаточные гарантии и смело бы объединить все общественные силы в борьбе против большевизма». Жильяр вспоминал, что в правительства Самары и Омска, свергнутые Колчаком, «входили члены Учредительного собрания, избранного в правление Керенского» и что сам Колчак окружил себя либо людьми, «которые ничего не забыли и ничему не научились с 1917 года,

либо обыкновенными казнокрадами, которые совершали преступления сами и покрывали преступления, совершенные их подчиненными».

Весной 1919 года, после эвакуации французских и английских частей, Жильяр стал подумывать о возвращении в Швейцарию. «Чувствуя себя больным и уставшим, я решил больше не оставаться в Омске и как можно скорее уехать», – напишет он отцу, от которого не получал вестей более полутора лет. И все же у него были веские причины задержаться в России еще на некоторое время. Он принял активное участие в расследовании по делу об убийстве Императорской Семьи, которое вел следователь Николай Соколов, ставший впоследствии его другом: «Мне не хотелось бы покидать Россию, пока не завершится расследование этого преступления. На самом деле, эта ужасная трагедия пока не разъяснилась окончательно, есть еще много неясностей, и все еще неизвестны обстоятельства гибели Императорской Семьи. Тем не менее, я верю в то, что расследование вскоре успешно завершится, и все станет ясно».

Жильяра разместили в Омске, в Генеральном штабе, под присмотром генерала Михаила Дитерихса (он являлся правой рукой Колчака). Дитерихс лично просматривал материалы следствия, поскольку намеревался прибрать к рукам драгоценности Романовых, по крайней мере, те из них, что не достались большевикам, и которые были надежно спрятаны. В последнем он не ошибся.

В сентябре 1919 года Жильяр был уже готов уехать из Сибири, но еще раз отказался от этой затеи по настоятельной просьбе генерала Жанена, у которого было очень мало офицеров, в совершенстве владеющих русским языком.

В Сибири Жильяр испытывал большие денежные трудности, так как все стоило очень дорого. Он сильно поиздержался во время своего заточения в Тобольске с Императо-

ром и его Семей. Кроме того, он помогал своим друзьям, оставшимся в Петербурге, покупая и пересылая им то из необходимого для жизни, что удавалось достать. Возвращение в Европу на корабле из Владивостока, если каким-то чудом он приставал к берегу, стоило, по крайней мере тысячу рублей, что было в десять раз дороже, чем обычная железнодорожная поездка из Москвы в Лозанну!

Жильяру нужно было два билета, так как он возвращался не один. Он хотел увезти свою подругу Александру Александровну Теглеву. Его спутница оказалась в весьма опасном положении, поскольку проработала у Романовых более десяти лет. Жизнь Теглевой находилась под угрозой, так как никого из приближенных к Императорской Семей большевики не щадили. Жильяр с большим трудом получил для Теглевой паспорт для отъезда за границу. В своих мемуарах, хорошо зная методы работы ЧК, Жильяр почти нигде не упоминает аб Александре, с которой они обвенчались в 1922 году в красивейшей церкви в Грандсоне, в нескольких километрах от родового поместья Жильяра в Фиезе.

Александра Теглева была гувернанткой великих княжон, которые звали ее Сашей. Анастасия, которую та должна была еще и учить, называла ее Шурой. На службе у Императора соблюдалось неизменное правило безбрачия для доверенных лиц, нанятых Царской Семей и живших вместе с ней. Вероятно по этой причине, несмотря на то, что Теглева была близка с Жильяром все эти годы, он ни словом не обмолвился об их отношениях. При всем том он много ее фотографировал.

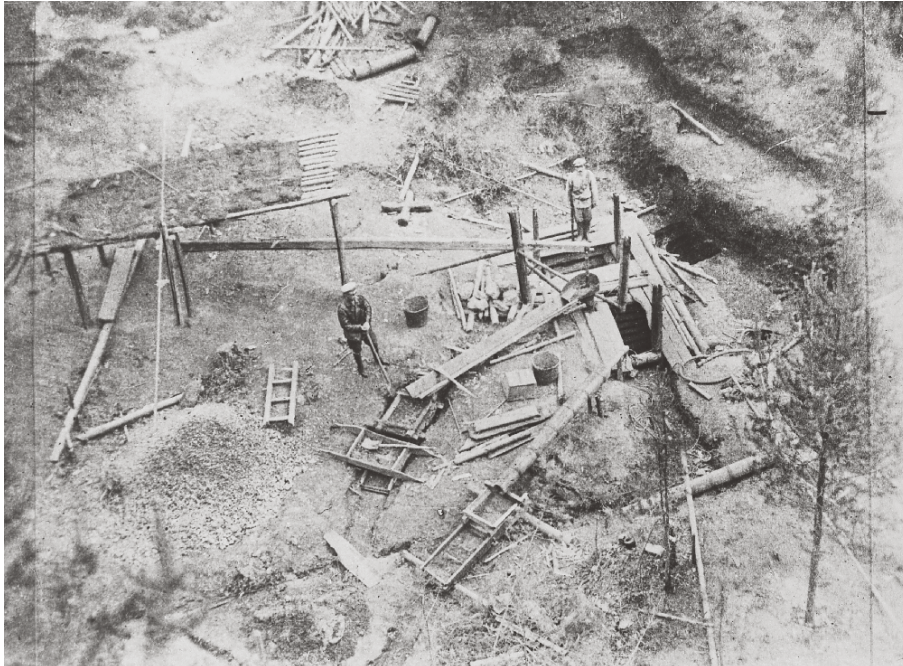
После Февральской революции 1917 года Александра Теглева добровольно разделила с Романовыми их заточение в Царском Селе, а затем в Тобольске. Впоследствии она жила с Жильяром в Тюмени, сначала в вагоне поезда, стоящего на запасном пути, а потом, заболев, у какого-то лавочника, их приютившего. Затем они перебрались в Омск

и находились там до тех пор, пока Александра не переехала в Верхнеудинск – город, расположенный на Транссибирской магистрали. Верхнеудинск в ту пору контролировали японцы. Там она была в безопасности вместе с женой генерала Дитерихса. Обе они опекали сиротский приют, пока бои не разгорелись под самым Омском.

Жильяр, находясь в непосредственной близости от Транссибирской магистрали, надеялся, если повезет, увидится с Александрой после долгой разлуки. В Новониколаевске, что в 500 км от Омска, большевики уже захватили 22 эшелона и за несколько следующих недель завладели, по крайней мере, еще 160 железнодорожными составами. Вооруженные нападения, забастовки и нехватка угля также препятствовали движению поездов. 16 декабря 1919 года Жильяр вместе с Жаненом застрял на вокзале в Иркутске из-за восстания, поднятого эсерами. Стычки продолжались много дней, «потом правительственные части стали одна за другой переходить на сторону восставших».

Поезд Жильяра покинул Иркутск в тот момент, когда состав Колчака подходил к вокзалу. Он двигался очень медленно, перегруженный золотом, которым были наполнены вагоны. Чешские части отказались защищать адмирала, узнав, что Колчак только что отдал приказ разрушить тоннели Транссибирской магистрали перед двигавшимися по ним поездами, чтобы помешать отступлению. Эти действия были расценены всеми, кто, подобно чехам и французам, не успел выбраться, как измена, достойная смертной казни. Эсеры, с санкции генерала Жанена, арестовали Колчака и посадили его в тюрьму. Будучи принципиальными противниками смертной казни, они хотели судить адмирала. Через несколько дней большевики отвоевали у них город. По постановлению Иркутского военно-революционного комитета Колчак был расстрелян.

В Верхнеудинске Жильяр встретился с Теглевой. Они вновь отправились в дорогу в конце января 1920 года на

*Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба Рыба
Рыба Рыба Рыба Рыба*